

Яков Бутков

ХОРОШЕЕ МЕСТО

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Б93

Бутков Я.

Б93 Хорошее место / Я. Бутков. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 120 с. — (RUGRAM-КЛАССИКА).

ISBN 978-5-519-72639-9

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Якова Буткова «Хорошее место».

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-72639-9

© Т8 RUGRAM, оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Сто рублей	5
Горюн.....	28
Битка	80
Хороше место.....	94

СТО РУБЛЕЙ

Есть в мире предметы благоговения всеобщего, безусловного; есть величие, совершенное в глазах мудреца и дурака; есть сила, своенравно, деспотически располагающая жребием человеческим, — те предметы — рубли, то величие — рубли, та сила — в рублях!

Человек без рублей, хотя бы то был и чиновник, ничего не значит, ни к чему не годится и ничего не стоит. Человек с рублями, хотя бы то и не был чиновник, имеет значение всюду, годится ко всему и стоит той суммы рублей, которою он обладает.

И странно, что при такой популярности рублей доселе не дознано, какое именно количество их нужно на каждую православную душу или для счастья человека *данного* ранга! Впрочем, есть должности, в которых можно обойтись вовсе без жалованья, которые так и влекут к служению в них из одной чести, из одной любви к отечеству!

Но Авдей Аполлонович, давший повод к этому рассказу, не был из числа тех избранных, которым своенравная судьба шлет полное, личное и потомственное блаженство в образе такой-то счастливой должности. Авдей Аполлонович, чиновник, сын Аполлона Авдеевича, поэта, имел несчастье родиться в дождливый осенний вечер, в такую горькую минуту, когда отец его, прочтя жестокую критику на свои

стихотворения, написанную, по его соображению, Карамзиным, смотрел на весь свет и, между прочим, на умножение своего рода с самой дурной точки зрения. «Стихов, — говорил он, — не раскупят после этой критики, а семейство увеличилось: надобно хлеба! Вздумал же этот ребенок, прости господи, родиться!» И Аполлон, изорвав в клочки журнал, заключавший в себе зловредную критику, и даже не взглянув на новорожденного, занялся, для успокоения оскорбленного самолюбия, сочинением антикритики, в которой с первых строк назвал Карамзина *оним господином* Карамзиным, далее просто *каким-то* Карамзиным, но считая и это недостаточным, объявил Карамзина не знающим русского стихотворства и присовокупил к тому иные сильные выражения, в наше время уже не употребляемые, потому что образованность разлилась всюду, даже между литераторами.

«Из того, что Авдею не посчастливилось родиться в пору, следует, что ему и жить не посчастливится. Трудно оступить на первом шагу в этот коварный мир, а там уже и пойдешь спотыкаться, пока не упадешь в могилу!» Авдей был даже несчастнее многих, родившихся, подобно ему, не в пору: когда ему наступило шестнадцать лет, для него нигде во всем Петербурге не было места и вакансии — ни в школе, ни в канцелярии, ни в тесной квартире поэта, ни даже на Парнасе, куда Аполлон хотел было всташить свое детище, во избежание необходимости учить и платить за него. Искомой вакансии нигде не оказалось. Между тем Аполлон родил после Авдея еще большой том стихотворений и маленькую дочь. Наконец он умер от восторга вследствие чте-

ния третьей корректуры своих «Антологических цветов», а сын так на веки веков и остался без вакансии!..

Похоронив и помянув усопшего Аполлона по христианскому обычаю, Авдей, его мать и сестра Наташа, которой в ту пору было лет четырнадцать, принялись устраивать свое житье по новому способу: надобно было зарабатывать деньги на хлеб насущный, потому что поэт, скончавшийся в блаженном видении себя «Российским Анакреоном¹», не оставил своей семье ничего, кроме своих сочинений в корректурах. Мать достала себе и дочери работу для магазина, и они, работая по двенадцати часов в сутки, добывали вместе один медный рубль. Но Авдей не умел ни писать стихов, подобно своему отцу, ни шить женских нарядов, подобно матери и сестре, он умел только «писать разные бумаги» и тщетно старался приискать себе место для этого занятия. Он бывал во всех департаментах, палатах, канцеляриях, обращался к чиновникам всех классов и цветов, всюду — и все отвечали ему одно: *нет вакансии!*

Грустно и больно было бедному Авдею видеть себя в необходимости существовать трудами матери и сестры! Напрасно они ободряли его, советовали не огорчаться, подождать, походить, понаведаться еще раз, может быть, уже и открылась где-нибудь вакансия — напрасно! В душу его западало страшное подозрение, что для него во всем мире нет и не будет вакансии, что он здесь так, какая-то случайность, ошибка — человек без вакансии! В отчаянии он

¹ Анакреон (VI—V в. до н. э.) — древнегреческий лирический поэт.

решился попытать «ваканции» в третий раз и отправился в прежние места.

В одном из тех мест на вопрос Авдея: «Что, позвольте спросить, еще не открылась ваканция?» чиновник с раздутыми щеками отвечал ему сильным басом, величественно воздев нос к потолку: «Говорят вам, что нет! — Нет, так и нет! Что вы надоедаете своею ваканциею!» В эту самую минуту седой старик со звездой на груди глядел из другой комнаты в полуотворенную дверь на Авдея и на раздутого чиновника. Когда Авдей, еще более пораженный грубостью ответа, хотел уйти, старик спросил у него кротким голосом:

— Что вам угодно, молодой человек?

Авдей воодушевился отчаянием и отвечал:

— Надобно чем-нибудь жить, ваше превосходительство! Не оставьте! Не милостыни, а должности прошу! Зачем я на свет родился, если для меня нет вакансии, у меня не спрашивали! А теперь мать, сестра!..

Этот довод так подействовал на ласкового генерала, что он приказал Авдею подать просьбу о принятии его в «чиновники».

Авдей земли под собою не видел, бежа домой с радостною вестью. Он жил в четвертом этаже, но еще не добрался и до третьего, а уже кричал:

— Маменька! Наташа! Есть ваканция!

Он поступил на службу и стал служить... Вдруг в одно прекрасное утро чиновник с раздутыми щеками, бывший его начальником, объявил ему, что его превосходительство генерал переведен в другое ведомство и что по причине преобразования канцелярии он, Авдей, оставлен за штатом, то есть *без вакансии!*

Для человека, испытывающего радости жизни только один раз в месяц, при получении жалованья, нет ничего ужаснее, убийственнее, как быть внезапно оставленным за штатом, неожиданно лишиться вакансии и не видеть в длинной цепи грядущих дней ни одного первого числа!

И вот Авдей опять без вакансии! Несчастный! Он только что изучил силу и необходимость двадцати рублей ассигнациями, которые получал ежемесячно в канцелярии и отдавал матери, а мать всегда в таких случаях покупала что-нибудь ему и сестре... и все были так веселы, так счастливы... И все разрушилось!

Нет в свете такого английского, стального, усовершенствованного, патентованного пера, которое могло бы изобразить глубокую печаль бедного чиновного трехдушного семейства, пораженного, растерзанного мыслию, что Авдей опять без вакансии! Каждая душа томилась и страдала по-своему, порознь от двух прочих душ, каждая старалась сказать что-нибудь утешительное, но в уединении проливала горькие слезы!

Вообще несчастье *данной* силы действует не на всех одинаково: есть люди, которые под гнетом несчастья утешаются какою-нибудь мечтою, воображая себя, например, гнущими по четыре угла сряду, срывающими банк; есть люди, которые только бранятся и проклинают весь свет, не допуская никаких утешений, никакого развлечения; есть люди, которые ничего не проклинают, а только думают: «Вот опять несчастье! Даже и на Невский не хочется взглянуть... по этому несчастье сейчас заметно!» Есть, наконец, люди, которые в несчастьи тоже ничего не проклинают, но и не думают о Невском, как другие думают только о том, что

они несчастны, что нет для них в мире ни одной радости, ни одной верной надежды, ни одной вакансии, которые считают несчастье не преходящим злом, а уделом всей своей жизни. Это самые несчастные, и к их числу принадлежало многострадальное семейство «Российского Анакреона». Но давно замечено и многократно повторено, что всякое горе проходит. Так и оставление Авдея за штатом сначала повергло семейство Анакреона в скорбь неутолимую, потом постепенно все стали привыкать к этой беде, и Авдею первому пришла в голову живительная мысль, что если один раз ему уже удалось отыскать вакансию, то, может, удастся это и в другой. Он вспомнил, что не все пишущие и переписывающие люди служат в департаментах и палатах, что многие чиновники служат в купеческих конторах, что есть чиновники конторщики, так же как чиновники столоначальники. Одушевленный новой надеждою, Авдей отправился в конторы, впрочем, не в самые конторы, а только в передние, где обыкновенно лежат сторожа, занимаясь сподручным делом — почесыванием затылка и боков. У этих сторожей, которые происходили из отставных солдат или из кровных мужиков, Авдей смиренно осведомлялся: «Нет ли здесь вакансии по письменной части?» и в десяти передних получил один ответ, что вакансии никакой нет! Бесполезно прохажив по Петербургу с осьми часов утра до трех пополудни, когда обыкновенно конторы пустеют, он уже под губительным влиянием разочарования зашел в переднюю контору господ Щетинина и компании. Там сторожа не оказалось, и Авдей должен был пройти прямо в контору, где кроме четырех конторщиков изволили быть и *сами* господа Щетинин и компания. Авдей вдруг заметил эту *самость*, потому